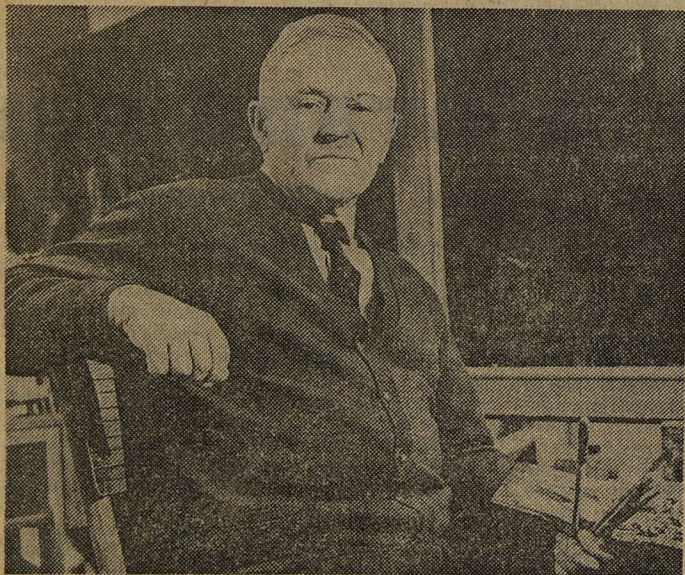

В Москве, на Пречистенке, в залах Российской академии художеств, открылась выставка произведений великого русского живописца Аркадия Александровича Пластова, посвященная 100-летию со дня его рождения. А вчера как бы в продолжение этой экспозиции начали принимать посетителей и в Замоскворечье, в помещении Славянского фонда.

Он стал классиком еще при жизни. Впрочем, это ни о чем не говорит. Мало ли было «классиков» советского изобразительного искусства, которых сегодня помнят разве что специалисты-искусствоведы, да и то преклонных лет. В отличие от них Пластов — художник от Бога, значение творчества которого для развития русской худо-

жественной культуры, на мой взгляд, до конца не осознано до сих пор. Хотя интуитивно это чувствуют все — от художественных критиков и самих мастеров кисти до рядовых любителей искусства.

Вот и на открытии нынешней экспозиции случилось невероятное — даже огромные и обычно полупустые залы Ака-

демии художеств не смогли вместить всех желающих насладиться его искусством. Хотя каждому было заранее известно: выставка далеко не в полной мере представляет творчество Пластова — на ней экспонируются работы только из Третьяковки, Московского музея Льва Толстого и собрания семьи художника. Из-за финансовых затруднений, например, не могли быть выставлены его произведения из Русского музея и периферийных хранилищ, не говоря уже о тех работах, что сегодня оказались в собраниях государств ближнего зарубежья.

Чем же так близок, современен и необходим нам сегодня Аркадий Пластов? Его искусство — необыкновенно цельное, глубоко выстраданное, сугубо личностное, обращенное, если можно так сказать, к корням отечественной культуры — для каждого из нас в нынешние времена всеобщей коммерциализации, бездуховности, засилья псевдоискусства является своеобразной духовной опорой. Сегодня оно даже больше, чем вчера, врачует наши больные, израненные души, вселяет веру в Добро, в завтрашний день разваливающейся на глазах державы, в самих себя. Очень точно по этому поводу сказал когда-то сам Пластов: «Надо, чтобы человек непреходящую, невероятную

красоту мира чувствовал ежеминутно, ежечасно. И когда он поймет эту удивительность, громоподобность бытия — на все его тогда хватит: и на подвиг в работе, и на защиту Отечества, и на любовь к детям, к человечеству всему. Вот для этого и существует живопись...»

Будем откровенны до конца: Аркадий Александрович Пластов творил в далеко не благоприятные для художника годы. Это ведь только со стороны кажется, что его творческая судьба всегда складывалась счастливо и удачно, что он через край был облакан властями, окружен почетом и славой. Дескать, еще бы — и академик, и орденосец, и народный художник СССР, и лауреат Сталинской и Ленинской премий... Из него и сейчас еще кое-кто пытается делать этакое певца колхозной деревни, сознательно забывая при этом, как травили Мастера и сколько кровушки ему попортили именно за то, что он «не воспевал», «не так изображал» современную ему колхозную деревню (из песни слова не выкинешь — «Правда» тоже приложила руку к этому).

Скажем, его картину «Ужин трактористов», живописными достоинствами которой сегодня все восхищаются, в свое время высокое начальство даже снимало с выставки, так как очень скуд-

ным для «зажиточной колхозной деревни» показался ему этот самый ужин, состоящий только из хлеба и молока. Рассказывают, художник сгоряча чуть было не исполосовал свой холст перочинным ножиком. А поостыв, когда товарищи схватили его за руки, не позволили сделать это и спасли картину, пошутил: «Получше бы они рассмотрели траву, на которой закусывают трактористы, в ней спрятаны косточки от съеденной баранины». Полотно тогда все же удалось отстоять. Но после выставки его отправили подальше от людских глаз — «на вечное поселение» в Сибирь, в Иркутск. Та, что хранится в запасниках Третьяковки и демонстрируется на сегодняшней выставке, — всего лишь авторская копия.

В другой раз одну из его работ потребовал убрать из экспозиции небезызвестный сановник тех лет Полянский под смехотворным предлогом: негоже, мол, изображать в картине быка, если сегодня в колхозной деревне внедряется искусственное осеменение коров. И таких фактов, когда судьбу его творений пытались решать люди, мыслящие на уровне того же быка, в жизни Пластова, увы, хватало. Но ни разу Мастер не пошел у них на поводу, не опозорил свою кисть фальшью на потребу дня или писанием портретов вождей.

«Ни одну картину я не писал, не проверив тысячекратно то, что собираюсь написать, что это правда и только правда и иного быть не может», — признавался в минуту откровенности художник.

В его сверхтребовательности к себе и своему искусству мне, тогда журналисту молодежной газеты, довелось убедиться, что называется, из первых рук. По заданию редакции я приезжал в Прислониху, чтобы подготовить коротенькое выступление Пластова, обращенное к молодым селянам. В редакции полагали, что для этого хватит творчество и открыл не только зрителям, но и своим собратьям по искусству величие простой, обыденной человеческой жизни, ее трудов и дней. И сделал он это по-художнически блестяще, с истинно моцартовской легкостью, с присущей только ему «пластовской живописной стихией», ярким, неповторимым колоритом, жизнерадостным цветом. И потому не только в истории отечественного, но и мирового искусства имя Пластова не забудется никогда.

Да, Пластов иначе не мог. И в жизни, и в искусстве, и в каждом своем поступке.

Он всю жизнь оставался художником одной темы — более того, жил и работал в своей родной Прислонихе под Ульяновском и писал только своих земляков, которых нетрудно узнать и в его знаменитых полотнах, таких, как «Сенокос», многочисленных портретах и даже в сериях трепетных книжных иллюстраций к любимым им произведениям Пушки-

на, Некрасова, Кольцова, Льва Толстого... Его творения отразили в себе целый мир — богатейший и разнообразный, всю красоту Человека и нашей русской природы — цвет созревшего хлеба, тепло солнечных лучей и, кажется, даже шелест берез, свежий запах трав, аромат и животворную силу самой земли.

Конечно, и до него в русском искусстве изображали крестьян. Вспомним хотя бы Венецианова и его школу. Но под их кистью образы крестьян получали как бы идеализированную пасторальную трактовку. Эпизодически обращались к крестьянской теме и другие живописцы. И лишь один Пластов посвятил им все свое творчество и открыл не только зрителям, но и своим собратьям по искусству величие простой, обыденной человеческой жизни, ее трудов и дней. И сделал он это по-художнически блестяще, с истинно моцартовской легкостью, с присущей только ему «пластовской живописной стихией», ярким, неповторимым колоритом, жизнерадостным цветом. И потому не только в истории отечественного, но и мирового искусства имя Пластова не забудется никогда.

Дмитрий ГОРБУНЦОВ.

Пугачев. - 1993. - 6 февр.

Явление Мастера народу